

18+

Дарья Анпель

*Наши
побеждают
везде*

Дарья Аппель

Наши побеждают везде

«Издательские решения»

Аппель Д.

Наши побеждают везде / Д. Аппель — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983993-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. И в прошлом, и в современности, и в будущем настоящим героям всегда есть чем заняться. Даже если они вроде бы как остались не у дел. На долю героев этого сборника рассказов приходится немало приключений, битв и опасностей, из которых они выбираются с честью, куда бы их не забрасывала судьба: в Париж или в глухой уголок Восточной Сибири. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-983993-0

© Аппель Д.

© Издательские решения

Содержание

Успеть к перехвату	6
Сто дней до приказа	14
Сибирская Бондиана	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Наши побеждают везде

Дарья Аппель

© Дарья Аппель, 2020

ISBN 978-5-4498-3993-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Успеть к перехвату

– Он сказал что прибудет в храм, который ты посещаешь, – прозвучало приятным тенором в июльском подзакатье... уже спустившемся на два часа от солнцестояния ближе к вечеру, уже оформившемся в тени мохнатых кедров. – Я право, не знаю, как это трактовать, звучит очень резко.

Сашка невозмутимо пожал плечами, по привычке любуясь косыми лучами ещё держащегося на небосклоне светила – ещё полтора часа оно, наверное, не нырнёт за резкий периметр гольцов, оставив надвигающийся вечер царствовать в прибайкальской тайге. Поэтому можно делать вид, будто засиделся в саду под вишнями с ноутом на качелях.

– Да так и трактовать, что сам он не придёт, – ровно и даже как будто задумчиво произнёс Сашка в ответ. – А учитывая что парень к нам расположен, сие означает что прийти он не может, у него просто висят на хвосте. Дай-ка мне его бортовые координаты, я не держал его за руку и потому не могу сам увидеть, – ленивым толстым котом проворчал капитан в отставке, протянув ладонь в сторону.

Знакомое тепло от напарника просочилось сквозь кожу лёгким потоком, будто на кожу опустилось пуховое перо – собеседника Сашки посторонние зрители видеть не могли, даже если б такие сыскались вдруг среди садовых тропинок либо кустов за забором участка, отгороженного не хуже генеральской дачи начала третьего тысячелетия. Даже если б они прятались в соседнем бору с оптикой ночного видения, лишнее зелёное пятно им бы ничего не сказало. А потому и шпики со спутников можно было не опасаться – но Сашка высматривал в синеве над головой вовсе не реальные вертолёты либо прочие аэропланы. Он ждал второго такого же напарника, тот должен был явиться с минуты на минуту.

– Но отчего он тогда меня не предупредил, если за ним погоня? – недоуменно поинтересовался тем временем собеседник. – Разве я бы не помог?

– Для того, чтоб ты мне сказал что сказал, – внешне спокойно отозвался тот, кто нынче не мог себе позволить надолго роскошь разгуливать без тела, однако собирался это сделать уже через несколько минут. – И нам придётся действовать немедленно, иначе мы просто не успеем, – так, три-два, дыхалка в норме, сейчас мы просто делаем вид что задремали в качелях, пульс почаще, сил должно хватить... – Понимаешь, Христофор, он уже получил известие что его врага мы прикончили – а потому особого смысла в дальнейшем существовании парень может и не видеть, он тут болтается в нашей реальности почти полтора века один как перст, это задалбливает. Ты ему всего-то хороший знакомый, с такими планами на будущее одиночки не делятся, а он не простой разведчик, а профи, которому современники в подмётки не годятся. Прикроешь меня, короче.

Разговор грозил затянуться, но тут наконец случилось то, чего дожидался Сашка: над вершинами кедровых крон как будто мелькнула падающая звезда... Казалось, стук каблучков об гранитные плиты садовой дорожки был слышен наяву... Генри был в своей сияющей парадке из будущего, но без плаща за плечами, который нынче был у него намотан на правую руку, как и на старых его портретах, ещё с Вандейской кампании...

– В чём дело, Саша? – вроде бы не запыхавшись, выдал он по-русски фактически без акцента, впрочем, вероятнее так просто слышал его тот к кому обращался этот вчерашний

юноша, который уже не выглядел вечно двадцатилетним, а мог вполне сойти и за сорокалетнего. – Здрав будь, Кристхен, – всё ясно, он говорит на родном, просто голова так переводит, значит, взволнован...

– Разворачивай борт, Генри, – глубоко вздыхая, поспешил ответить Сашка, сейчас его полтинник совсем не читался на его посвежевшем на таёжном воздухе лице. – Нужно подпортить кровь нашим соперникам. Ты цел, я вижу?

Да уж, века идут, но парень не меняется, молча усмехнулся про себя русский офицер, наблюдая коронный жест Генри, когда он гасит эмоции – якобы беззаботно откинуть чёлку со лба, что вечно наползает на нос... Таким его и японские аниматоры запечатлели, честь им и хвала...

– Не дождутся якобинцы, – лихо прорычал гость, от души подбросив плащ в воздух над головой... – Опять с тебя считать курс, Саша?

– Яволь, – едва слышно произнёс в ответ тот – он аккуратно встал из собственного тела, оставшегося полёживать обняв ноут, и приблизился к напарникам. – Стартуем.

Плащ так и не упал на разогретую летним днём землю и траву – вместо него над зеленью и полевыми цветами вырос добротный трап в салон машины, очень напоминавшей сейчас «Харриер» конца двадцатого века. Вот только видели сейчас эту машину только трое бойцов, ещё стоящих на земле отрогов Восточного Саяна. Человеческим глазам она могла бы быть доступна вполне – но фактически везде мозг отказывался осмысливать такое изображение. А те, у кого не отказывался – нынче были очень редки, ещё реже чем пять веков назад. И потому некому было увидеть, что вся троица носила на спине вместо рюкзаков – крылья. Очень разные, но все с резким жемчужным отливом. Иногда они становились не видны, что явно зависело от настроения владельца. Но даже жена того, чьё тело покоилось себе вроде как в предвечернем сне – не давала себе пока труд рассматривать их. Она слишком занята была в доме с ужином, чтоб прийти сюда сейчас для этого...

Внутри этот самолёт был для своего экипажа сейчас вполне себе материален, хотя и состоял фактически только из сгустка энергии. Снаружи он напоминал разве что солнечный блик, и на этот раз – уже для всех сущностей и людей, что могли его случайно наблюдать... Однако по внутренним часам – можно было обойтись даже без постоянного начитывания тропаря – прошло не менее четверти часа, прежде чем машина, рванувшая с места едва ли не в полтора жи, добралась до нужного квадрата местности.

Это оказалось очень просторное болото, поросшее прочно мелким леском. Оно было ещё залито летним солнцем, и у поверхности там вечер ещё и не ощущался. Когда машина зависла над сплошными зарослями высокой травы, выросшей фактически в два метра высотой, она совершенно утонула в солнечных лучах. Тем лучше, стало быть, и десантник с её стороны был не виден тому, за кем прилетели – видимо, такая мысль появилась у всего экипажа. Генри холодно рассматривал показания приборов и обзорный экран:

– Так, в полусотне метров к северу группа захвата, они его пасут. Пока они успеют приблизиться, ты сможешь сделать что задумал. Если сможешь.

– Я полагаю что он меня послушает, – бесцветным голосом откликнулся Сашка, направляясь к выходу.

Сейчас он снова был самым собой на задании – скромный серый комбинезон, тёмные полосы через лицо, невнятного назначения португея. Предложения друзей надеть старый или мундир из будущего он отверг сразу – «парень решит, что я не я, а морок или враг».

– Почему возможно сопротивление? – дежурным тоном осведомился только Генри, полыхнув ненадолго разрядом голубого сияния из-под стрелок бровей.

– Потому что парню могли сказать что я монархист, – грустно усмехнулся Сашка в ответ. – Конечно, не коммунист же я, что говорить. А эта бражка к нему плохо относится из-за своей тупости.

– Всё должно быть ровно, – уверенно произнёс Христофор фон Ливен. – Если что – разнесём эту группу захватчиков в пыль, меня давно их контора раздражает.

– Тоже ничего вариант, – озорно усмехнулся Сашка, шагнув к двери на воздух. – Держи на мушке эту тупобратию.

«Слепой закат догорел и замер,
И вновь, удобу кляня свою,
Зеленый поезд виляет задом,
А я с моста на него плюю.
Ему – на север, а мне – налево,
И чертыхаюсь я каждый день,
Что держит дома меня холера,
А может, дело, а может, лень».

Сашка даже обрадовался что вспомнились эти строчки – потому что на хронометр смотреть вообще не привык и здесь тот ему бы ничем не помог, хотя дело происходило вполне себе на земной поверхности, только ведь даже не дал себе труда определить по карте, в какой угол Сибири их могло сейчас занести... Болото не было унылым но как раз это и внушало подозрения – кочки были поистине огромными, на радость любому косарю, трава отлично скрывала фигуру идущего, иной раз покрывая того с головой, а ведь рост кавалергарда было заметно даже издали на обзорном экране. Ничего, своей тушей в два метра от почвы перекрывается, как уже успел рассчитать Сашка, заранее посмотрев прижизненные ранения у бойца, не проигравшего при жизни ни одного из 57 сражений... Правый бок у парня факт неживой, учитывая тогдашние технологии полевой хирургии, никакие проще говоря, хватать там просто живодёрство, слева тоже опасно, учитывая что это переученный левша, инстинктивно наподдаст так что мало не покажется, даже локтём... Можно было б теоретически аккуратно сбить с ног толкнув носком берца под колено – но не в этом случае, при жизни парню досталось постоять по колено в воде в шахте, так что нынче от такой шалости нога может просто в песок рассыпаться... Сашка инстинктивно увеличил резкость зрения – в этом состоянии он мог это себе позволить...

В траве видно плохо, камуфляжка из современного военторга отлично справляется со своим назначением, но вот шагает беглец слишком тяжело, это заметно наверняка и на обзорном экране у соперников, поэтому они вряд ли торопятся... Но молча вырубить

чем-то вроде шприца с препаратом было не просто подло, но глупо – если у парня жар, это может просто не сработать. Кроме того, у него факт работает датчик на уничтожение неживых предметов в опасной зоне близости. В общем подойти и окликнуть – оказалось плохим вариантом... Сашка настроился как мог на свою цель, которую сейчас необходимо вытащить отсюда... Показалось ему или нет – но преследователи добряками не выглядели, судя по их эмоциональному фону. Скорее они были уже рады и потому не спешили. От того, кто был впереди, если и чувствовались какие эмоции – так за комплексом раненого зверя их было не видеть вовсе, зато стало понятно, что идущему жутко тяжело даётся каждый шаг, и он сам уже интересуется, который будет последним. Очень плохо. В таком виде он вообще никуда не дойдёт и рухнет прежде чем успеет дёрнуть лопасти ликвидатора – сейчас уже не оставалось сомнений, что это и есть цель, к которой он движется. Либо эта коряга непонятно какого назначения впереди закамуфлирована под пункт мгновенной транспортировки? Тогда может и уйти, но от себя не уйдёшь, и если было бы кого вызвать на помощь – действовал бы совершенно иначе...

Впечатлившись от перспективы валяться на холодном полу замурованного помещения транспортного пункта, ещё неизвестно, рабочего ли – Сашка сам едва не поёжился. Срочно настроиться на этого парня, срочно, пока преследователи не заметили кого-то, планирующего на их добычу со спины...

«А зря никто не верил в чудеса.
И вот однажды, летним утром рано
Над злой каперной алые взметнулись паруса,
И скрипка разнеслась над океаном».

Очень краткий миг, но достаточный чтоб на него солнечный свет показался предрассветным туманом... есть контакт, теперь мы уже не промахнёмся, держитесь, сударь, там не успевают, через несколько секунд им придётся открывать огонь по живому, а на то у них полномочий нет и не будет никогда...

Отдача пошла такая, что померкло многое из личного опыта во всяком виде... Оценивать, до чего больно преследуемому, пришлось почти что на собственном теле. Вообще непонятно, почему он может ходить в таком состоянии – обычно всё на что хватает, так только лежать и стонать... Отключиться, быстро, обернуть крыльями, попал точно парню за спину, теперь резко обхватить руками поддерживая под локти.. Готов, заваливается спиной на левую сторону, теперь можно и взглянуть в лицо беглецу... Неплохо, не то он ожидал маневра, не то просто отлично владеет собой и высчитывает выгоды-потери быстрее любой ЭВМ. Впрочем, двести лет назад учили в уме перемножать многозначные числа быстрее чем ножами кидаться, этот факт такому не чужд, раз из лучших выпускников иезуитского колледжа...

Тааак, а глаза-то у парня зелёные сейчас, хотя на прижизненном портрете были голубые, да и выглядит он не старше себя самого в тридцать семь ориентировочно... Видимо он в атаке меняется или в бою – зелёные глаза у него выглядят шибко сурово, хотя по характеру жёстким не назовёшь, скорее дюже добрый исходя из того всего что приходилось в школе про него читать. Надо полагать, и сейчас не заколбасит гостя сразу – а большего по факту и не требуется... Ага, узнал – взгляд самую малость но смягчился, и смотрит ровно, даже с интересом. И – рука у него к оружию не шевелится совсем... Можно пожалуй даже моргнуть – не пошевелится, хотя тут можно было б дать очередь пару-тройку раз точно... Отлично, загораживаем его своей спиной от преследователей совсем...

– Не успеваем к храму, Сергей Григорьевич, – тихо произнёс Сашка. – Давайте я Вас сам к нам отнесу, у меня чай с Кяхты подвезли сухой...

– Годный вариант, – прозвучало в залитом запахами трав воздухе едва ли не теплее летнего солнца. – Ещё указания будут?

Сашка забыл, что следовало бы сейчас покраснеть и потупиться, сообщив как он рад встретиться с тем кого помнил только по учебникам да экскурсиям для школьников. Конечно, его прижизненная биография в десятки раз скромнее, но что такое простреленный бок он знал на собственной шкуре просто отлично. И торопиться нужно было просто потому, что раненому нужна помощь прямо сейчас. Целую серию травм различного характера и давности крылья уже успели зафиксировать, и сейчас эта информация обрабатывалась непосредственно перед заливкой в сознание. А оно ожидало контратаки... и не зря.

– Держаться за меня при любом раскладе, – деловым тоном соратника сообщил капитан, аккуратно взмывая вверх к двери, за которой его ждали.

И контратака обрушилась в эфир... Совсем немного, преследователи бы не успели в любом случае, но происходящее они смогли заметить и настроиться на нужный им канал связи... Охнув про себя, но скорее обрадовавшись, что разборки будут в итоге только на словах, Сашка, пропустив несколько требований остановиться, отдать им то, что сейчас было в его руках, иначе мол будет плохо, просто запел в ответ ласковым тенором, немного контрастируя с авторской версией исполнения...

«Рулит на взлет самолет пузатый,
Урча моторами тяжело.
Планида вновь повернулась задом,
Не то случайно, не то назло.
А я не гордый, я просто занят,
Я спецзаказом к земле прижат,
И слоем пыли на чемодане
Мои намерения лежат»

А затем просто взялся подсвистывать к мотиву, как и делал в своё время тот, кто написал эту песню.

По всей видимости, невольные слушатели так удивились, что даже прислушались, намереваясь различить слова... Русские, мать Вашу, свирепо подумал Сашка, и явно кто-то неплохо шпаривший на французском, на котором я никак вовсе, но тоже русский, значит, современник моей ноше и возможно лично знакомый... Ну ведь вычислю же и по одному встрече однажды, что за самоуверенность... не сибиряки эти кадры ни разу, ненавижу этих придурков из дикого Зауралья...

Они уже добрались в салон и рухнули на мигом сформировавшийся диван, вместивший двоих, уже и крылья можно уменьшить до пластов на спине, уже и Генри, щёлкнув пальцами, дал понять, что их машина взяла новый курс...

– Отдай что взял! – прорычали наконец по связи мрачным басом. – Это мы выследили, это не твоё! Отдай, работороговец!

– Totalement hors de la chaîne? – наконец вспомнил Сашка фразу из книжки в школьной библиотеке... – А по ебалу, герр апостол? Ты куда полез тут, дурень москвабадский? Закон – тайга, прокурор – медведь, не слышал? Так я тебе это устрою тут сразу, следи за базаром...

На том конце связи возникло заметное замешательство щедро пересыпанное гневом, очевидно, надежды захватчиков на недоразумение пошли прахом, обладатель сочного баса смачно ругнулся по-французски, судя по интонации... Затем заговорил кто-то кому русский был более привычен и не менее остальных привыкший на нём командовать.

– Тёзка, отдай нам Волконского, добром прошу, ты ж за веру, Царя и Отечество, как и мы... Мы просто его протестировать, не подумай про нас плохо.

Сашка с некоторым удовольствием подавил глумливый хохот, выслушивая дальнейшие обещания человечности и благолепия и не стремясь вовсе объяснять соратникам суть разговора. Те уже спокойно занимались управлением уходящего прочь походного борта, слышно было только Сашке, которого успели запеленговать. Судя по разговору, там ещё даже не уяснили себе тот факт, что борт неумолимо и очень быстро удаляется... Зато, похоже, гость на борту отлично понимал что по связи Сашка продолжает общение и какого свойства оно получается... и был этому очень не рад.

– Вот что, балбесы, – снизошёл наконец Сашка, с удовольствием слушая, как на том конце связи внимают его словам. – Были б вы такие безобидные, вам бы отслеживать никого не пришлось, а я не живодёр. Знаете, в чём ваша проблема? Вас очень скоро самих на утиль отправят и не поморщатся. Потому что думать надо головой а не жопой, которая тёплые места любит, поняли? Нету больше ни для кого никакого Волконского, так и передайте начальству что самоликвидировался. Целее будете, лизоблюды.

С удовольствием отключил связь, не давая себе труда послушать бурю эмоций на той стороне... Месть – дело неспешное, сейчас только достаточно запомнить атаковавших, а времени вычислить их будет достаточно. Да и с гостем работы предстоит немеряно, он сейчас поймёт что в безопасности и расклеится полностью. А потому надо уверить его, что всё плохое позади, это будет очень нелёгкая задача. Ну вот пожалуйста, он плавно но настойчиво теперь устраивается на диване самостоятельно, ну в общем уже можно, что с ним и что делать уже записалось в нужный блок хранения информации...

– Александр Викторович, – тихо, но внятно начал говорить гость... похоже он уже чувствует себя очень некомфортно...

– Просто Сашка, мсье Серж, – замотал головой нынешний офицер и отхлебнув, протянул гостю походную фляжку. – Я закрыл Вас на карантин у себя, сперва восстановлю Вас полностью, потом все остальные дела.

– В любом случае информация Вам пригодится, – тем же тихим и внешне спокойным тоном продолжил аристократ из прошлого, – и я Вам её предоставлю. Как Вы понимаете, я лучше историков знаю суть дела и, будучи руководителем общества...

– К чёрту в трубу! – рявкнул Сашка столь резко, что прервал говорившего. – Глупо полагать, князь, что мой мотив в этом заключается! Я отвечаю за свой базар, а потому прошу Вас

уяснить себе, что мне всего-то нужно было Вас вытащить из этой засады. Мне нужно, понимаете? – вероятно, в этом спиче Сашка снова стал напоминать не то охотничью собаку, взявшую след, не то старинного грифона. – И ещё прошу запомнить – я восстановлю Вас, что бы ни случилось далее. Потому что я так решил.

Впечатление он произвёл, хотел он того или нет. Гость молча уставился на него с искренним любопытством, слегка прикрытым прищуром бывалого охотника.

– Вроде у меня не служил, в Европе тоже не видались, – задумчиво проронил он наконец. – Неужто из нынешнего времени целиком? Ладно, будь по твоему, сообщу Ливену только что остался у тебя.

Прежде, чем Сашка успел среагировать, из кабины донёсся уже не сдерживаемый смех.

– Тааак, это нужно было предвидеть, – усмехнулся в ответ Волконский. – Всё верно, кто бы ещё мог навести на меня так точно... Может, у вас тут ещё братец его жены имеется?

– Он не вписывается в понятия о чести характерные для нашей обоймы, – сухо отрезал Сашка, закусив губу. – Это не подстава, Сергей Григорьевич, Вы скоро сами в этом убедитесь.

– Хорошо, – Сашка ожидал очень жёсткого зондирования, всё-таки подготовка генштаба тут была на высоком уровне, но его только наградили соответствующей мыслеформой дистанционного характера, выразилось это в ощущениях, похожих на приятельский хлопок по плечу. – Тогда сразу такой вопрос... меня интересует твоя подруга, на которую ты свалил написание своих сюжетов. Поможешь познакомиться лично?

Усмехнувшись, Сашка замурчал про себя как сытый кот, просчитывая выгоды от такой комбинации...

– Как только сможете ходить без боли и протестируете новые крылья, – невозмутимо проговорил он, пожав плечами. – Если я не ошибаюсь, их Вам сестрица в камере оттапала?

– Не ошибаешься, но откуда получил информацию, от неё лично?

– Фактически, да, – Сашка ощутил жуткое желание закурить и не стал ему противиться, а впрочем, чего он ждал, задавая столь болезненные вопросы? – Одна из причин отчего потопился, если что. А Вы всегда сватаетесь через друзей, как я понял?

– Однажды этот метод тоже может сработать, – жёстко усмехнулись в ответ. – Ты ведь однако не раздаёшь своих дам из обоймы кому попало?

– Ага, силён, – с искренним удовольствием парировал Сашка, от души затягиваясь и протягивая портсигар собеседнику. – Теперь верю что намерен выжить, чему и рад вполне.

– Не дождутся якобинцы, – невозмутимо проворчали в ответ, пользуясь угощением. – Может, покажете уже мне свою модель будущего?

– Как только прибудем на базу, – проворчал Сашка, ощутив вдруг, что его глаза неумолимо слипаются и сон просто врывается в резко уставшее тело... значит, всё получилось, вот и славно...

– Дорогой, ужин готов! – голос жены звенел над ухом очень настойчиво...

Сашка ощутил, что он снова в теле, аккуратно убрал ноут с груди и приподнялся на коленях, усевшись как будто проспал здесь эти десятки минут... Совсем недолго, солнце ведь только начинает закатываться за пики гольцов...

– Держи! – в ладонь упало маленькое полотенце, и жена весело уселась рядом.

Видимо, Сашка наградил её слишком недоумённым взглядом, и она терпеливо объяснила:

– Сотри с лица полосы, опять будешь выглядеть смешно. Хотя полагаю, гостей уже не будет.

Сто дней до приказа

...История повторилась и никуда не уйдет. Пока в Вене который уж месяц отмечали мир, бывший правитель сего мира, кого решили лишить всех признаков бывшего величия, умудрился взять реванш. И растерянные празднующие не знают нынче, что им нынче делать – то ли хвататься за мечи и ломиться водворять «корсиканское чудовище» на место, то ли выжидать, пока «авантюра» не кончится тем, чем обычно и кончались подобные события.

Серж проснулся слишком рано для самого себя. В окна лилась чуть подсвеченная ущербной луной темнота, рассвет еще и не думал заниматься. Молодой человек не почувствовал ни сонливости, ни нестерпимого желания продолжать предаваться сонной неге. Хотелось встать и действовать, причем немедленно. Как бывало перед стычками с неприятелями – забудешься на пару часов, как неведомая сила поднимает тебя еще до того, как встревоженный денщик явится будить тебя...

Нынче повод был. Нераспечатанное послание от князя Пьера, его beau-frer'a и руководителя, негласного, конечно, лежало на столе, посреди всего скопившегося там хлама. Вчера, когда его принесли, Серж чувствовал себя слишком усталым для того, чтобы уделить ему должное внимание. Более того, он примерно догадывался о содержании послания. Конечно, имеет отношение к новостям, взбудоражившим светское общество Лондона до основания – Буонапарте сбежал с острова Эльба и нынче практически беспрепятственно шествует по югу Франции! И что с этим делать – никто не знает. Армия наготове, и флот тоже, и лорд Уэлсли вчера в салоне графини Ливен говорил, будто готов сокрушить гадину немедленно, сетовал, что его не повесили на первом же парижском столбе, не бросили в клоаку... Дальнейшее князь Серж не дослушал – хозяйка гостиной, ужаснувшись непритворно, резко перевела разговор на иную тему. Хотя по любопытному остроносому лицу графини Ливен было понятно, что ей бы хотелось выяснить все подробности – однако же, не у кого это сделать. Все знали ровно то, что писали в газетах. Посольство Франции стояло на ушах, и их сотрудникам было не до посещения светских приемов. Граф Ливен только отправил курьеров в Вену и, пока они воротятся, бывший «император французов» как пить дать отвоюет столицу – так было сказано самим российским посланником в приватной беседе.

Весь этот переполох Сержа по меньшей мере забавлял. «Вот в самом деле, кому война – а кому мать родна», – говорил он себе. – «Видать, я выручу очень хорошие деньги, если нынче начну перепродавать портреты Бонапарта...»

С портретами возникла забавная ситуация – в бытность в Вене, в ноябре, когда он предавался светским удовольствиям вечером, чтобы поутру проводить долгие часы в кабинете своего зятя, Серж решил купить портреты бывшего героя и кумира, которого уже второй год агрессивно развенчивали. Все, которые можно было найти в лавках, торгующих мебелью, деталями комнатного убранства, книгами и гравюрами. Зачем он это делал? Князь Волконский не мог бы этого объяснить. Помнится, начал он это после того, как сестра, любимая и единственная Софи, сказала ему: «Скоро уничтожат о Наполеоне всякую память. Сотрут его из истории, как и не бывало. Был никем – стал всем – и уйдет в никуда». Слова эти Софья произнесла без сожаления или негодования, вообще без всяких эмоций, что для нее было нехарактерно. Словно бы она уже видела будущее и могла дать ему объективную оценку. И – то ли из-за необычного тона, то ли из-за взгляда сестры – Серж и решил посвятить последующие три дня поездкам по венским лавкам. Портреты отдавали ему за бесценок, хотя некоторые, особо хитрые торговцы, напротив, завышали цену до потолка. Серж был готов платить любую цену. Он не особо отдавал себе отчет в том, для какой надобности ему в дальнейшем пригодятся все эти портреты и статуэтки. Вскоре о странной «мономании» русского князя проведали все, и кто-то из особо бдительных книгопродавцев, состоящий на жаловании тайной полиции, донес о сло-

жившейся ситуации руководству, а они уже доложили окружению государя. Пришлось объясняться. Не впервые приходилось держать ответ перед начальством и, несмотря на то, что князь старался объяснять все как можно более доходчиво и подробно, он чувствовал, что его просто не понимают. Считают эксцентричным («это у них в роду, ничего удивительного»), как минимум. Но до поры до времени прощают...

Портреты нынешнего героя дня остались при нем, и он держал их нынче в закрытом сундуке, стараясь лишний раз не вспоминать о их присутствии. А когда вспоминал, то только морщился – что за прихоть им овладела? Может быть, сестре отдать, пусть сама решает, что с этим хламом делать?

Воспоминания о Софи привели к естественному желанию наконец открыть и прочесть письмо от ее мужа. Он и так уже довольно долго откладывал это дело.

Запалив свечку, Серж наскоро открыл конверт, разорвав его руками, и вдался в чтение письма, начертанного четким, словно бы печатным почерком его зятя. «Я не могу доверить это поручение никому, кроме Вас...», – разобрал князь строки. – «Все наши представители должны немедленно покинуть Париж. Постарайтесь незамедлительно прибыть в Кале с первой же оказией. Но обязательно возьмите у посланника паспорт. Авантюры будут в данном случае неуместны и могут окончиться очень плохо не только для Вас самих, но и для всех, причастных к этому поручению».

Судя по тону письма, Пьер сочинял его в явной спешке, желая как можно быстрее развязаться с необходимостью завершить послание. Предупреждение по поводу того, чтобы Серж не смел вдаваться в авантюру и отправляться в Париж нелегально, а тем паче, под чужим именем, заставило его улыбнуться. В самом деле, это первое, что он решил... Но странно, почему ему не приказывают брать паспорт под чужим именем.

«Прошу Вас сжечь послание немедленно после прочтения. Я и так многим рисковал, передавая его курьеру. В связи с тем, что происходит нынче во Франции, можно ожидать чего угодно», – приписал в постскриптуме Пьер.

Что ж, раз так велено, то и поступить стоит сообразно приказанию... Серж поднес край листа к пламени и долго смотрел, как огонь превращает бумагу в черный пепел, как пропадают написанные на ней слова...

План действий был для Сержа Волконского предельно ясен – яснее не бывает. Собираться долго не придется. С самого утра – добиться аудиенции у графа Ливена и справиться по поводу паспорта. Тот непременно спросит – к чему это Сержу взбрело в голову посетить Париж в самое неурочное время? Надобно что-то придумать... Вероятно, придется открывать суть задания. О Ливене в письме ничего не упоминалось, но Серж знал и так – посланник всегда находился в курсе тайной дипломатии. Государем ему доверено многое – даже *слишком* многое, как однажды обмолвился тот же Пьер.

Лишь сметя наскоро пепел со стола, Серж решил поинтересоваться, сколько времени. Аж присвистнул – всего-то пол-шестого утра. Ливен начнет прием не раньше девяти, а то и десяти – вчера он приехал довольно поздно с приема у лорда Каслри, за полночь, уж точно. Но сильно долго растягивать удовольствие не стоило. Первым делом, после завтрака, он предстанет перед графом. «Надеюсь, никаких препирательств не случится», – подумал Серж, вытягиваясь в кровати. – «Управлюсь за полчаса... Далее – собираться. А что там собирать-то мне? Узнать ближайшее судно, которое согласится подбросить меня до Кале. Далее – действовать по обстоятельствам».

Свечу князь не потушил, и лег обратно в кровать, расположившись на спине. Он был уверен, что больше не заснет. Тени, отбрасываемые колеблющимся огоньком свечи, причудливо переплетались на потолке, и он, прямо как в детстве, когда во время болезни приходилось долго и неподвижно лежать в кровати, принялся бесцельно рассматривать их, воображая, что это чьи-то профили, силуэты, очертания диковинных деревьев и растений, встречающихся,

пожалуй, только в джунглях... На сей раз темные узоры навевали воспоминания о недавних событиях.

... – И как же вас приняли в Сен-Жерменском предместье? – о Господи, разве эта женщина не может хоть пять минут помолчать... Ужасно хочется спать. Чувство досады и опустошенности – вот зачем он полез в эту авантюру, зачем устроил эту игру? Кому и что он хотел этим доказать?

– Довольно хорошо, – проронил он, прикрывая глаза. – Я бы сказал, даже чересчур хорошо.

– Вот как? Почему же чересчур? – графиня близко, и запах ее резковатых духов тоже близко, и она, как водится, запускает руку ему в волосы, тормошит их, требуя внимания.

В ответ Серж бесцеремонно зевает, что вызывает панику у его нынешней любовницы.

– Не смейте у меня тут заснуть! – высоким голосом произносит она. – Как я потом объясню ваше присутствие здесь? Слуг я отпустила, конечно, но к утру же вернутся... А нынче уже четвертый час утра. Четвертый, слышите!

Князь резко дернулся, что заставило Доротею ахнуть и убрать руку, встал в постели и быстро, по-походному, натянул на голову рубашку.

– Простите, но мне действительно нужно переночевать у себя, – сухо произнес он, расправившись с застежками кителя.

– Но вы мне так толком и не рассказали про Сен-Жермен...

– Завтра у вас *soirée*, – с улыбкой произнес Серж. – Вот тогда-то я вам все расскажу. И всем гостям, которые пожелают это выслушать.

Доротея ошеломленно смотрела на него. Запахнув обнаженные острые плечи в шаль, не глядя подхваченную ею с кресла, она подошла к нему и требовательно спросили:

– Но принц все же вас признал?

Серж только вздохнул. Эта дама, сразу же после свидания, оказавшегося весьма поспешным и суетливым, предваряемым ее неуместным сопротивлением и его чувством безмерной неловкости, принялась допрашивать его битый час. Сначала разговор шел в дружеском и сентиментальном ключе, а затем графиня Ливен перешла к делам светским и политическим. Даже тон ее поменялся на требовательный и жесткий. А Алекс Бенкендорф же его предупреждал...

– Про мою сестру тебе там наговорят, и хорошего, и дурного... Но ежели тебя интересует она в известном смысле – скажу так: Дотти не слишком легкая добыча.

– Неужто хранит верность мужу? – с иронией переспросил друга Серж.

– О нет, – усмехнулся Бенкендорф. – Она готова разделить постель только с тем, кто может ей рассказать много полезного.

– Вряд ли тогда у меня есть шансы, – произнес Волконский.

– Ну не скажи...

Как показала практика, шансы у него действительно были. И немалые. Графиня Ливен очень грамотно и быстро заманила его к себе в спальню, дав ему повод надеяться на то, что события в сей спальне развернутся самые феерические. Ожидания, однако, не оправдались, несмотря на то, что урвать свою долю удовольствия у Сержа вышло даже и в паре с весьма холодной партнершей. Зато потом... Сначала Дотти выпрашивала у Волконского потихоньку все о его жизни. О его сестре. Какова она была в детстве и ранней юности, до своего появления в свете и замужества? Что она любит – какую музыку, покрой платьев, цвет, время года, пейзажи, страны? Что ненавидит? К каким недугам склонна? Как общается с мужем и детьми в семье? Серж отлично понимал причину этих вопросов. Когда у тебя такая соперница... Под конец Доротея посмотрела на него выразительно и ярко, и он заметил в ее глазах слезы.

– Не подумайте ничего князь. Я честная женщина. Не верьте тому, что говорят... – проговорила она, и Серж обнял ее, принялся утешать, как мог, что и привело к повторению недавно

случившегося. А далее, словно устыдившись собственной слабости, Доротея кинулась выяснять, правда ли те слухи, довольно-таки вздорные, признаться, которые о нем повторяют все.

...Нынче Серж не помнил, что именно он ответил Доротее. Кажется, ничего. Промолчал, развернулся на каблуках и ушел, не попрощавшись. Жестокость, ему не свойственная обычно, но что тут поделаешь.

И в самом деле, признал ли его принц Луи-Анри? Прием у маркизы де Сен-Лё, все сидят полукругом, и Зизи, его *belle-soeur*, приведшая его в этот салон, тут же, держит его за руку, словно он сейчас рванет и начнет крушить всю эту утонченную обстановку, в которой буквально задыхался, и принц смотрит на него, обвешанного орденами и медалями за Бог весть уже какие сражения, и все собравшиеся переводят взгляд с одного на другого, с предполагаемого отца на якобы сына.

Ничего не происходит. Никаких признаний, объятий, ахов и охов, обмороков случайных свидетельниц, перешептываний их кавалеров. Зизи ослабляет хватку. *Soirée* продолжается ровно так же, как он и шел до явления Луи-Анри, принца Конде, который двадцать шесть лет тому назад свел чересчур близкое знакомство с одной знатной русской дамой... Серж хочет уехать, но невестка сверлит его своими пронзительными голубыми глазами, не давая ему шанса даже помыслить об отъезде, а ей, сей Зизи, он подчиняется так же, как и своей сестре – без обсуждений. Вот и ходит он по салону, останавливаясь перемолвиться словами со всеми этими обломками бывшего королевства, притворяющимися, будто ничего не было – ни 1789 года, ни Террора, ни Буонапарте с реками крови, в которых он топил Европу... Их, этих маркизов, графинь и виконтесс, словно бы закрыли в дальней комнате, в пыльном гардеробе, и в какой-то заветный час разом выпустили, населив ими все гостиные тихого и душного во все времена Сент-Жерменского предместья. И вот этот принц Конде, отец герцога Энгийенского, тоже, видать, хранился в такой вот гардеробной. Серж бросал на него украдкой взоры, пытаясь сравнить – похож ли? В профиль только, быть может... Принц тоже осторожно смотрит на се *jeune Russe*, и тут рядом с ним, по левую руку, Волконский замечает хрупкую невысокую фигурку невестки, и сам не помнит, как оказывается рядом, и как Зизи куда-то исчезает, как сквозь землю проваливается, и приходится теперь сказать этому якобы отцу какие-то общие слова.

– Так где вы сражались, *monsieur le prince*? – любезно интересуется Луи-Анри.

Волконский ухватывается за эту тему как за соломинку. Собственный послужной список он выучил наизусть, и он весьма выручал, когда не о чем было говорить с завсегдатаями салонов.

– Вы... вы были ранены? – вдруг спросил принц, и – Сержу, возможно, это показалось – голос того дрогнул.

«По мне так это заметно?» – подумал вдруг Волконский. Ранен он был всего лишь дважды. В бок справа, между ребер, пулю вынули легко и безболезненно, перевязали быстро и ловко, кровью кашлял он совсем недолго, и жара тоже не было... Еще в ногу. Тоже правую. Чуть ниже колена. Но не хромотал ничуть.

– Дважды, но весьма легко, – проговорил князь, потупив взор.

– Война для вас закончена, – уверенно – даже слишком уверенно – сказал Конде. Потом, повременив и поглядев за спиной, очень тихо, так, что Сержу даже показалось, будто он слышался, проговорил:

– Передайте своей матери, что я ее никогда не забуду. У вас *ее* глаза. Словно бы она нынче стоит передо мной сама...

Волконский не мог ручаться, что их не подслушали, тем более, что весьма скоро нарисовалась Зизи – как исчезла, так и появилась, словно из-под земли выросла – и заговорила уже с ними вдвоем – нечто про государя Александра, его милосердие к побежденным врагам, а принц заметил, что «его это милосердие даже несколько беспокоит» – и далее так, словно не было этих трех фраз, оброненных принцем Конде словно бы невзначай.

Серж так и не понял, считать ли эту реплику признанием. Оно однозначно было таким – но в чем же Конде признавался? То ли в том, что да, был у него роман с княгиней Волконской в последние два года l'ancien regime, то ли – что появление Сержа на свет стало закономерным итогом этого романа? Трактовать можно и так, и эдак. И слова эти внесли только лишнюю неопределенность в его жизнь, в которой и без того все было смутно с самого начала.

...Ведь, сколько бы Серж не помнил себя – ему постоянно казалось, что ему не договаривают нечто. Все. И родители, и учителя, и все прочие... Однажды, в минуты откровенности, он поделился с самой близкой женщиной в его жизни – с сестрой. На что Софи резонно заметила:

– А что ты хотел, mon petit frere? Мы все-таки живем в России, а здесь все тайна и ничего не секрет...

Ему показалось странным, что сестра цитирует нелюбимую ею особу, мадам де Сталь, но принял ее слова на веру.

Потом, кажется, он некстати вспомнил вырвавшиеся из уст его старшего брата слова: «Да ты не наш! Твое слово здесь даже не последнее! Я не удивлюсь, если ты подкидываешь из черни».

Софи долго смеялась своим заразительным смехом, который и не захочешь – так разделишь.

– Никки наш бывает временами очень глуп, – произнесла она. – Ты смотрел на себя в зеркало? На руки свои? Какая же чернь?

Серж тогда невольно взглянул на свои руки, не найдя в них ничего особенного. Пальцы длиннее ладони, да. Сама ладонь довольно жесткая, правильно, когда держишь рукоять тяжелого палаша наготове по двенадцать часов в сутки, с чего тут быть мягкости и холености? Ногти вот обломанные...

– Так что если смутное состояние твоей души связано с происхождением, мой тебе совет – оставь это, – улыбнулась Софи.

И он оставил. До поры до времени. Пока соперница сей Софи, законная жена ее любовника, от которого она чуть ли с ума не сходила, расписывая, какой же он необыкновенный и прекрасный (в сем остзейце Серж ничего подобного не видел, но у дам, как водится, свои резоны), не напомнила ему, что вопрос еще не закрыт. И занимает умы.

Доротея фон Ливен – дама настойчивая. Поэтому вечером следующего дня сказала так:

– По крайней мере, наш государь уверен в том, что вы признаны принцем.

Фраза была сказана наедине, но этого стало достаточно, чтобы разгадать причину доверия и снисходительности императора Александра к нему. Этой беспечной фамильярности, которую он не позволял в отношении старших братьев Сержа. Что ж, оставалось только смириться со знанием... Он поблагодарил Доротею и добавил:

– Надеюсь, что ваша уверенность так и останется тайной.

– Можете в том не сомневаться, – холодно улыбнулась графиня.

...«Интересно, а Ливен знает о моем происхождении?» – задался вопросом Серж, чувствуя, как сонливость возвращается и постепенно берет его в плен. – «Не может не знать. У него слишком уж хорошие информанты».

Он не представлял, насколько откровенна его сестра со своим любовником. Равно как и Доротея – с мужем. И давно спрашивал себя, не смея поинтересоваться этим у других: а почему Софи, его блестящая, мудрая сестра, выбрала себе в утешители именно вот этого сухопарого остзейца, от которого Серж не слышал ничего значительного или интересного за все время знакомства? Что она увидела в Ливене, чего не видит почти никто в свете? Пьер, ее законный супруг, с которым сестра венчалась несколько скоропалительно двенадцать лет тому назад, не в пример колоритнее, хоть тоже молчалив... Но, как призналась сама сестра, их брак «существует только во мнении света да на бумаге», и такому обстоятельству дел уже не год и не два. Почему такое произошло? Снова недоговоренность, снова загадки, и снова

деликатность вменяет в обязанность молчание, а этого уже он не в силах терпеть. Остается только не обращать внимание на тайны, щедро разбросанные у него на пути.

...Принимая посетителей, граф Христофор фон Ливен ненавидел чинно восседать за столом. Эдак поступают лишь мелкие сошки, недавно произведенные в чин повыше и упоенно привыкающие к недавно приобретенной власти и важности. Граф, с юности облеченный доверием монархов, давно уже забыл эдакие манеры – если вообще имел к ним склонность. Утро выдалось, прямо скажем, так себе, но две чашки кофе смогли привести его в работоспособное состояние. Он медлил, зная, что сегодня предстоит то же, что и завтра – обсуждать, как остановить корсиканца. Одни предлагали смириться с неизбежным – а что вы хотели, выпустив его, фактически, на волю. Другие – немедленно идти с войной во Францию. Каслри давеча бросал Ливену в упрек: «Ваш государь не понимал, что нельзя быть слишком милостивым с этим злодеем! Его следовало бы убить! Или увезти на другой конец света, в ту же Сибирь, и концов бы не нашли!»

Всегда невозмутимый министр иностранных дел вышел из себя совсем. А Кристоф сохранил стоическое спокойствие – пусть и внешнее. За долгие годы он мастерски освоил умение притворяться невозмутимым – и многие принимали это приобретенное качество за врожденное. И только немногие знали – чем невозмутимее Кристоф внешне, тем сильнее полыхает внутри него огонь. Одно неосторожное слово или жест – и этот огонь вырвется наружу, погребая под собой всех и вся.

За притворное спокойствие приходилось дорого платить – вот этим смутным и тревожным чувством, охватывающим по утрам. Как ни странно, только кофе, обладающий действием стимулирующим, вызывающий у многих учащенное сердцебиение и взбудораженное состояние, мог привести его в более-менее умиротворенное состояние. Кофе и тишина – этого, как правило, было достаточно. Поэтому, когда ему доложили о прибытии князя Волконского по неотложной надобности, Кристоф почувствовал еле скрываемую досаду. К этому молодому человеку он, в общем-то, был расположен. И не только из-за его родства с небезразличной графу дамой. В слухи, которые ему передавала то жена, то завсегдатаи гостиной его матери, на протяжении уже Бог весть какого времени, Ливен предпочитал не верить. Такие вещи могут занимать только тех, кому о чем больше размышлять и думать. Уж чего, а тем для раздумий и дел для свершения у графа Христофора всегда было вдоволь.

– Проси его ко мне, – обреченным тоном произнес Ливен после доклада, и поздоровался с вошедшим – высоким, стройным и весьма красивым молодым человеком, облаченным в строгий вицмундир.

– Чем имею честь вам служить, князь? – бесцветным тоном продолжил Кристоф после обязательного обмена приветствиями.

– Мне необходима виза во Францию, – князь Серж произнес это так, словно на званом ужине просил передать ему солонку.

Графу показалось, что он ослышался. Виза во Францию, нынче?.. Ну и ну, чего удумал... Не мальчишка уже, а туда же, тянет его в авантюры. Впрочем, нечего ворчать как старик. Сам-то в свое время начальство не спрашивал, а поступал так, как самому в голову взбрело. Но это не значит, что его желаниям следовало потакать.

Серж пользовался славой весьма своевольного молодого человека, чьи выходки подчас превосходили все, что совершила на их памяти гвардейская молодежь. Все рассказы о своем брате Софи почти всегда предваряла такой фразой: «Ты даже не представляешь, что сотворил мой братик вчера», а далее описывала очередную «мирную забаву», которая должна была вызвать в Кристофе праведный ужас. Однако он видел – за маской повесы «с придурью» скрывается очень холодный и рассудочный человек, которого не так-то просто свести с ума и соблаз-

нить. Не злой и не жестокий – иначе непременно стал бы бретером. И все его проказы не выходили за рамки тех, которые может себе позволить честный человек. Вообще, Кристоф полагал, что младший из Волконских куда как толковее его напыщенных старших братьев. Во время войны все его «подвиги» забылись государем – или он, как всегда, сделал вид, что забыл. И, видно, мирное время наскучило Сержу, раз он просится туда, откуда нынче все стараются уехать. И что он этим добивается? Государь же узнает – через какого-нибудь «доброжелателя», в коих всегда был достаток. В такое время, как нынешнее, когда все вне себя от тревоги, бояться собственной тени, одним взыском Серж не ограничится – его поступок будет представлен как измена. Еще не забыли, как он защищал этого... как его... словом, одного из преданных бонапартовых сподвижников... И то, что в Париже давеча он пренебрегал визитами к роялистам ради ужинов у Евгения Богарне. В глазах света Волконский-младший – отчаянный бонапартист, едва ли не якобинец. А тут еще и эта поездка... Ведь скажут, что он эдак нарочно, дабы отпраздновать триумф своего кумира... Но... Ежели Волконский – эдакий оригинал и авантюрист, то зачем ему нужна эта виза? Не проще ли самому под чужим именем пробраться в Париж. Нет, тут кроется дело посложнее...

– Послушайте, князь, – проговорил Кристоф, немало не скрывая своего великого изумления. – Вам не хуже моего известно, что оттуда бегут все иностранцы всякого разбора и подданства. Вы же, напротив, стремитесь во Францию. Зачем вам это?

...«Так и есть. Он не даст мне визу, ибо боится последствий. Для себя, конечно... Не так-то прочно место посланника, а здесь он устроился очень даже хорошо», – подумал Серж, стараясь сохранить спокойствие, оставившее его собеседника. Нет, взволнованный и разгневанный Ливен – то еще зрелище, право слово... Глаза его, обычно спокойные, темно-синие, нынче – почти черные и метают такие молнии, что сам Зевс-громовержец бы позавидовал. Хорошо, что в рабочем кабинете у него нет оружия – вся коллекция перекочевала в его отдельную приемную комнату. А то сейчас бы взял свою «Хоакину», роскошную саблю дамаской стали, на которую Серж втайне поглядывал с завистью и вожделением – и начал бы крушить с ее помощью все это милое убранство кабинета. Вид собеседника его нимало не испугал – напротив, показалось, что теперь-то он видит Кристофа фон Ливена в его настоящем облики. И оно нимало не сочеталось с прежней маской невозмутимого и сухого остзейца, который, казалось, вообще не склонен ни к сильным чувствам, ни к мыслям, выходящим за рамки обыденности. Надо сказать, сей настоящий облик Сержу был гораздо симпатичнее привычного.

– Граф, поймите, – Волконский заговорил тихо и умиротворяюще, чтобы не раззадорить своего собеседника еще пуще. – Именно из-за, что все оттуда бегут, мне и нужно там оказаться.

Кристоф подошел к нему поближе. Настолько, что князь смог почувствовать запах его духов, пачули, как всегда, и сандал. И почему-то Серж ощутил, будто его обдает теплом, словно бы он стоял перед церковным подсвечником с сотней горящих восковых свечей.

– Вам выдали особое поручение? – произнес он с прежде не заметным в его идеальной французской речи немецким акцентом.

Волконский уклончиво произнес:

– В Париже будут происходить события, которые мне необходимо увидеть своими глазами с тем, чтобы доложить о том своему начальству и лично государю.

...Ливен смог прийти в себя. Пожалуй, последнее время подобные срывы случаются все чаще. Хорошо, что только наедине... Интересно, если у него, как давеча, полыхнет огонь в правой руке? Почему-то казалось, что Серж поймет и ничуть не удивится. Он же все-таки брат своей сестры. Хоть и не таков, как она. *С другой стороны*, но при этом послабее. Впрочем, мало кто из тех, что нынче обретаются в телах, может противостоять Софии... Пожалуй, только он и остался. Тот, Девятый, уже мало что может. Силы потихоньку покидают его. И вскоре граф останется один. Как всегда. Но это в сторону... Итак, парень умеет говорить уклончиво –

прямо как сестра, научила она его, что ли, или сам перенял? Может, это фамильное свойство, кто знает... Но Кристоф уже привык к подобной уклончивости и всегда умел читать меж строк.

– Я понял, – произнес граф прежним голосом. – Но мой долг – вас предупредить. Фортуна может оказаться не на вашей стороне. И государь составит о вас самое неблагоприятное мнение, ежели окажется, что вы действовали самовольно.

...Ну и хитер же этот Ливен! Его супруга по сравнению с ним – просто наивная пансионерка. Впрочем, кажется, муж научил ее некоторым азам... Теперь-то стало окончательно понятно, что Софи нашла в «этом немце», помимо стати, которой, к слову, обладали многие мужчины в свете. Сестра всегда любила умных мужчин, коих, по ее признанию, днем с огнем не сыскать в Петербурге, за исключением трех человек. И судя по всему, ее любовник в эту троицу входит. И место свое занимает совсем не зря. Ведь догадался же о поручении! И скорее всего, у него нынче на столе лежит предписание выдать князю Волконскому визу во Францию по его первому требованию. Но нет. Граф его испытывает, следит за реакцией, чтобы до конца убедиться в его намерениях.

– Я надеюсь быть полезным Его Величеству, – заговорил Серж. – И соберу все необходимые сведения.

– Не скрою от вас, что война непременно состоится. Армия вся готова присягнуть Бонапарту, – Ливен чуть побледнел. – В таком случае, реванш неизбежен... В Париж войдут войска. Все дипломатические сношения с Францией будут оборваны, письма и депеши перестанут приходить. Что будет с вами потом?

«Я похож на труса?» – чуть ли не выкрикнул запальчиво Серж. – «За кого он меня принимает? Кажется, повода я не давал...»

– В таком случае я последую туда, куда направится королевский двор, – ответил он, опустив глаза.

«Конечно... А что он еще скажет?» – подумал Христофор. – «И вполне возможно, его увезут *насильно*. Впрочем, с него останется остаться нелегалом».

– Итак, как видите, меня от моего решения не уговорить, – слегка усмехнулся князь.

– Зачем же вам моя виза? Здесь она вам не нужна, – напрямую спросил граф. Он знал ответ на этот вопрос. И Серж это понимал.

– Чтобы не подвергаться преследованиям как лицо, пребывающее в Париже на нелегальных основаниях.

– Думаю, этот паспорт все только усугубит... – вздохнул Кристоф. – Но буду с вами откровенен – о вашем задании мне не докладывал никто. Я не уверен, действуете ли вы по приказанию или по собственному почину.

«Эх, жалко, я сжег это письмо Пьера», – подумал Серж. – «Но зачем мне надо было его сжигать? Показал бы Ливену – и не было бы всей этой канители. Ему бы без вопросов подписали все бумаги, которые требуются. А то сей Ливен, небось, из принципа будет продолжать игру... Опять вспомнилось, что про него говорила сестра: «Каковы его недостатки? Упрямство... Его слово должно всегда оставаться последним – и не только в спорах». Нынче есть лишний повод убедиться в его правоте.

– Право слово, если бы у меня была возможность подтвердить то, что было передано мне из уст в уста, я бы это сделал. Так что придется вам, граф, верить мне на слово.

Христофор вздохнул. Осталось сказать только:

– Что ж, видно, вас никак не уговоришь. Посему будь по-вашему.

Он нашел паспорт Сержа, удобно лежавший в правом ящике стола, нарочито медленно набрал чернил и поставил размашистую подпись внизу.

– Благодарю вас, – сказал князь, следя за движениями своего визави.

– Но помните, что я обязан доложить государю о том, что мне пришлось вас выпустить вопреки всяческим уговорам. Поэтому, ежели вас постигнет монаршьё неудовольствие, прошу вас меня ни в чем не упрекать, – граф откинулся на спинку кресла.

Серж кончиками пальцев придвинул к себе паспорт.

– Конечно же, Христофор Андреевич, – произнес он.

Повисла неловкая пауза, после которой Серж посчитал нужным распрощаться. Граф сказал только:

– С Богом... Надеюсь, у вас все получится.

После ухода князя Кристоф долго смотрел на закрывшуюся дверь. Надо было встать, что-то делать, опять кому-то приказывать, повелевать, – а не хотелось. Опять стало тревожно на душе. Кто знает, вернется ли Волконский обратно? И если да, то не рухнет ли после этого приключения вся его карьера? Времена, когда за успехи в тайной дипломатии давали высокие чины и награды, давно миновали. Напротив, за такие поручения мало кто нынче брался. Лишь те, кому нечего терять, или же отдельные особо отчаянные личности. Зачем же Сержу все это нужно? Впрочем, было понятно, почему. Потому что он таков, каков есть. «Я даже возьму его в Рыцари... Если все получится», – рассеянно подумал Кристоф. Почему-то он не сомневался в том, что вновь увидит Волконского. Но не тогда, когда по проторенной дорожке сюда снова прибегут Бурбоны, а несколько попозже, так скажем...

Сибирская Бондиана

Осенью закаты, алые и тревожные, предвещающие ветреную погоду, длятся до бесконечности долго, и наблюдать их одно удовольствие. Если бы Серж был склонен к стихосложению, то непременно бы написал об этом в рифму, превращая слова в картины, над которыми будут вздыхать читатели... Но он стихов не писал. К великому огорчению его супруги, тогда еще будущей, – вспомнил он, криво усмехнувшись. Право слово, это одно из наиболее незначительных огорчений, которые князь ей подарил. К чему вспоминается это? Небось, ждут его с нетерпением там, дома, чтобы опять вывалить на его голову рассказы о проблемах, о тех невероятных новостях, которые узнали с последней почтой – там, в России, как они нынче называли все земли, что лежат к востоку от Уральских гор, эти новости уже стали прошлым, зачастую прочно позабытым... А ему надо разделать тушу косули как можно аккуратнее, привести все в порядок, задать корма собакам, уже истово выющим и с нетерпением поскуливающим у его ног, поужинать, а там уже и спать можно ложиться.

Домой, однако, отправляться не хотелось, несмотря на то, что собаки волновались – их явно будоражил вид подстреленной точным ударом в голову косули, а многочасовая гонка по тайге заставила их аппетит разыграться не на шутку. Несмотря на то, что скоро сделается совсем темно, и даже зная местность как свои пять пальцев, немудрено заблудиться. Несмотря на то, что поднявшийся с закатом ветер уже проникает за шиворот куртки. А простывать князю нельзя вообще, с того самого года – раньше тоже было нельзя, но можно перетерпеть, а нынче ну никак...

Алая заря над чернеющими верхушками елей и пихт вызывала в душе щемящее чувство, и глаза уже на мокром месте, и хотелось бы пролить слезы – да все кончились, давно кончились – еще *тогда*.

«Хватит вздыхать», – приказал себе Серж. – «Завтра сюда же вернусь».

...Охотиться князь Волконский – да, 6 лет как уже не князь и не генерал-майор, но, как сказали те туземцы, вокруг костра которых он с месяц назад грелся: «Не этот царь тебя жаловал, не ему и почести отбирать...» – предпочитал в одиночестве. Один раз взял с собой этого юношу Ивашова – ну тоже осужденного, все по той же самой причине, – и пожалел, зачем это сделал. Нет, конечно, сей Жанно и стрелял неплохо, и вопросов глупых не задавал – да и вообще, оказался из молчунов, как только он в тайном обществе оказался-то, да еще влюбил в себя эту милую француженку, приехавшую к нему по примеру остальных дам. Но даже с учетом спокойного и деловитого нрава Ивашева, так отличающегося от других его, так сказать, соратников, князь Серж не позвал его второй раз, предпочитая компанию своих собак – никаких не гончих и не борзых, а местных, крепких, с плотной светлой шерстью, стоячими ушами и хвостом колечком, которых можно и на цепь сторожить, и с собой на промысел брать.

Князь знал, что его обособленность от всех раздражает многих. Прежде всего – жену, которая жаждала здесь, «в середине Земли», возродить все, к чему привыкла. А привыкла она отнюдь не к уединению. Не к охоте. Не к длинным темным вечерам. Не к бескрайней тайге, в которую ногой не ступала с самого дня приезда. Хоть и выросла Мари в деревне, но деревня та находилась на благодатной Черниговщине, а родители держали открытый дом, приглашая «приличное общество» на хлеб и соль. Как-то Серж и стал частью этого «приличного общества», и, сам не помня как, сделал предложение младшей из дочерей. Даже не задумываясь о том, испытывает ли он к ней хоть что-либо, кроме мимолетной симпатии. Нынче, оказавшись здесь, в краю синих озер, горных отрогов и живого таежного моря, почти что без всякого общества, кроме друг друга, Серж все больше осознавал – Мари его скорее раздражает. Да, поначалу ее приезд, ставший для него полной неожиданностью – ведь он фактически расстался с ней еще там, в крепости, написав на обратной стороне ее миниатюрного портрета недвусмыслен-

ное послание – оказался весьма кстати. Но когда дела наладились, и жизнь пошла своим чередом, все чаще начинали возникать разногласия, ссоры, напоминающие те, которые вспыхивали между ними в первые месяцы после свадьбы, но куда более серьезные. Признаться самому себе, что все с самого начала было ошибкой, князь пока не мог. Тогда, выйдя из терзаний, из болезни, которая вела его прямым ходом в могилу, он взял себе за правило – не вспоминать прошлое никак, ни хорошими, ни дурными словами; не вспоминать и тех, кто остался за той невидимой чертой, которую он шесть лет назад пересек; жить настоящим, а там как Бог даст...

Втащив тушу косули на телегу и устроившись на козлах, князь не спеша отправился в Петровский, не отрывая взгляд от неба.

Прав был Анненков, на этапе выкрикнув: «И в Сибири есть солнце!» Да оно, пожалуй, светит ярче даже, чем там, на среднерусской возвышенности, и уж конечно, радует своим появлением куда чаще, чем в Петербурге... А какие здесь звезды огромные. Кажется, небосклон в этих местах ближе к Земле становится. Так те буряты, помнится, и сказали ему – мол, правда...

Князь поймал себя на том, что снова предается пустым размышлениям, но затем махнул рукой – ладно, если без воспоминаний не обойтись, то пусть будут такие. Эти люди – казалось бы, дикари дикарями, «татары», как зовут их русские поселенцы, а по крови – потомки тех самых монгол, которые некогда подчинили себе половину обитаемого мира – подтвердили про Сержа то, о чем он всегда только догадывался. Этот простой факт и стал причиной столь строгого наказания, доставшегося ему, и особого приказания государя держать его отдельно от других сосланных. Учитывая сказанное, – что он не сын того, чье отчество всю жизнь носил, а некоего принца крови, – все становилось на свои места. Но какой от этого нынче толк? Ну, кроме того, что буряты почитают его наравне с царем, а может быть, и выше его. Хотя они-то откуда узнали? Лама их что увидал во сне? Или сличили профиль на монетах – у этого племени в ходу были французские монеты чеканки пятидесятилетней давности? А то, быть может, все и выдумали?

Часто у них бывать Серж не мог, чтобы не возбудить ненужных подозрений от тех, кто поставлен над ними надзирать. Небось, донесут, что туземцев к бунту подстегивал. Император Николай Павлович полагает его самым злобным бунтовщиком и, верно, жалеет, что к пятерым повешенным не прибавил шестого. Лучше бы прибавил, нежели подверг таким унижениям...

Что за пропасть! Опять в голову лезет прошлое. День сегодня, что ли, какой особенный? Вряд ли. Двадцать четвертое сентября, и только. Может, кто там, из прошлого, умер? Кто знает... Но сам князь получит подтверждение этому лишь через три месяца, не раньше. А может, он просто прощается с воспоминаниями? И впереди ждет что-то новое... При этой мысли Серж усмехнулся. Пятый десяток, а он все равно ведет себя как любопытный юнец, каковым вступал в жизнь и каким остался, когда все вокруг внезапно начинали остепеняться и от него того же ожидали. Князь попытался играть по этим негласным правилам – и следование им привело его к сокрушительному поражению. Учиться на ошибках поздно, но жизнь не закончилась, что бы там кто ни твердил...

– Ты где был?! Я волновалась, между прочим! – так нелюбезно встретила Сержа его супруга, стоя на деревянном крыльце их дома.

– Ты сама прекрасно все знаешь, Marie. Я же тебя предупреждал, – проговорил князь, спрыгнув на землю.

Вместо ответа женщина пристально оглядела супруга, а затем перевела взгляд на добычу. Собаки было бросились к ней, но она отступила на несколько шагов, возвысив голос:

– Сделай хоть что-нибудь со своими шавками!

– Ко мне, – негромко приказал Серж, и собаки вернулись к нему, не глядя на хозяйку. Затем, не обращая внимания на высокий и сухощавый силуэт супруги, он занялся привезенной добычей. Ее нужно было вытащить в подвал, там прохладнее... Сегодня он и не успеет ее разделать, значит, завтра нужно встать пораньше и заняться этим. Сейчас нужно собак покормить, а там Мари, в сущности, права – уже поздно, после ужина начнет клонить в сон.

Он двинулся к сараю, не вслушиваясь в то, что возмущенным тоном твердила его жена. До слуха князя доносились лишь отдельные слова:

– Опять ты будешь долго... А ужин совсем остыл, Фекла разогревать не станет, лентяйка... К нам, между прочим, на днях к нам гости придут, а ты сейчас последнюю свежую рубашку испачкаешь.

Последняя фраза заставила Волконского остановиться на полпути.

– Гости? – переспросил он. – Кто-то из наших друзей? Так им и не впервые...

Жена поджала губы – обычный ее жест, портящий и без того не отличающееся правильностью черт лицо.

– Вот это меня и заботит более всего, Serge, – произнесла она, переходя на французский. Со сменой языка разговора тон ее моментально изменился. На русском Мари могла только браниться, ровно деревенская баба, а на французском принимала привычный образ провинциальной дворянки средней руки с большими амбициями и высоким мнением о самой себе. На каком языке княгиня Мария более всех похожа на саму себя? Муж ее не мог этого сказать с точностью.

– Ты становишься похож на дикаря, – продолжила она. – Эти твои экспедиции в лес... Эта привычка возиться с псами и даже спать с ними в одной постели, – здесь женщина брезгливо передернула плечами под пуховым платком, – Наконец, нежелание видаться ни с кем, если на то нет необходимости...

Серж выслушивал ее, не говоря ни слова. Подобный разговор повторялся если не каждый день, то каждую неделю – точно, и он мог, даже не прислушиваясь к речи жены, угадать, что она скажет далее и чем ее монолог кончится. Раньше он ей отвечал. Объяснялся. Мол, какое общество ты хотела здесь, та chère? Ты же знала, на что шла... Последняя фраза приводила ее в состояние гнева, она резко переходила на русский, начиная бросаться злыми словами, а затем убегала в дом и запиралась в комнате, нарочито громко рыдая. Это ее поведение ничем не отличалось от тогдашнего, в Воронках, где они жили после свадьбы. Правда, повод был другой: «Ты все время на своей службе! Ты меня совсем разлюбил... Я не удивлюсь, если узнаю, что это всего лишь предлог, а ты в это время посещаешь любовницу...». Тогда князь Серж предпочитал оправдываться, пытаться ее побыстрее утешить – женских слез он не переносил, но Мари от этого рыдала еще сильнее, обвиняя его в бесчувственности – мол, оставь меня и дай поплакать вдоволь. Нынче слезы все чаще заменял вот этот жесткий, бескомпромиссный тон, который в ответ вызывал лишь глухое раздражение.

– Кто же к нам заедет? – спросил Серж, оглядывая жену.

– В наши края приехала научная экспедиция... Я и позвала этих господ к нам. Надеюсь, ты не против и составишь гостям компанию? Очень бы не хотелось, дорогой, чтобы ты опять заперся у себя в покоях или ушел в лес, – зачастила Мари.

– Подожди... – остановил ее князь. – Но ведь, приглашая их к нам, ты создашь им проблемы. Ведь видаться с нами запрещено, и ты сама это знаешь. В Петербурге головы полетят, а Лепарский и краем глаза не моргнет, чтобы выслужиться перед начальством.

– Серж, они не из Петербурга. И вообще не из России, – возразила Мария категоричным тоном.

– Откуда же?

– Англичане. Я была у Каташи, она там с мистером Гиллем, начальником экспедиции общалась... А Серж рассказывал им о наших окрестностях. Представляешь, Гилль – настоящий джентльмен, как подобает, а какой просвещенный!

Глаза женщины загорелись, и в них вновь появилась яркая прелесть, которая, как полагал Волконский, утратилась в них навсегда. Уже далеко не юная женщина, отчаянно борющаяся со свалившимися на нее сложностями и трагедиями, при упоминании о «хорошем обществе» и «просвещенных джентльменах» вновь превращалась в веселую и беззаботную барышню, какой запомнил ее Серж. Не знал он только одного – кто так скор на смех, тот столь же скор и на слезы. И есть другая пословица: «От осинки не родятся апельсинки», то бишь, всегда стоит присмотреться к родителям избранницы, дабы понять, что от нее можно ожидать. А семья у Мари была совсем не простая – не только по происхождению, но и по нравам. Вспыльчивый и придиричивый отец, язвительная и злобная матушка, командирша старшая сестра, брат, возмнивший себя демоном во плоти и весьма продвинувшийся по сей стезе, да и остальные тоже такие – на кривой козе не подъедешь, как говорится... Но у Сержа не было особенного выбора. И семья, какая она не была «ядовитая», приняла его как неизбежность. Отец вызвал свою младшую дочь на ковер и отдал ей приказ: выходить замуж за генерал-майора князя Волконского, ибо он «превосходный человек». И ничего, что у барышни на уме был другой – этому, чин по чину посватавшемуся польскому шляхтичу, было отказано: тот беден, обременен детьми от первого брака, да впридачу еще и католик (к полякам Раевские, сами выходцы из тамошней шляхты, относились весьма благосклонно). И ничего, что Серж был старше невесты почти на два десятка лет – в его возрасте уже не к барышням, а к вдовам нужно присматриваться. Наконец, старика Раевского, считающего себя человеком прогрессивным и, как говорится, *competentis*, не смущало откровенное признание Сержа о том, что он фактически возглавляет тайное общество. «Ну и что за беда?» – пожал плечами почтенный генерал. – «Сашка и Коля тоже там... Да все, в кого ни ткни. А что остается делать, сам посуди, если ты имеешь ум и сердце?» Тогда князю показалось, будто бы Раевский отнесся к этому факту так, словно бы потенциальный зять сообщал о членстве в масонской ложе – пустяки мол, ерунда, нашел из-за чего переживать... Никто же не знал, что их тайное общество – организация самая что ни на есть практическая, готовая осуществить все, о чем говорилось на собраниях и что фиксировалось на бумаге, при первой же удобной возможности – а не когда-нибудь в далеком будущем, когда люди станут более совершенными и готовыми делать мир вокруг себя лучше. И, тем более, никто не знал, каков будет финал все этой истории. Впрочем, нечего задумываться о прошлом... Серж знал, что его супруга частенько вспоминает о былом и яростно пытается его возродить, а на предложение следовать его примеру и жить настоящим только возмущается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.